

Глава 28. Хранитель храма

После того как Чжэн Цзиань занял пост в уезде Фэнган, жизнь семьи Чжэн потекла вполне благополучно.

За десять лет слава о «Богине, посылающей детей» вышла далеко за пределы городка Лунъянь и распространилась по всему уезду Аньси. Узнав, что семейство Чжэн перебралось в Фэнган, многие семьи, не страшась тягот пути, отправлялись к ним в надежде на чудо.

Постепенно за Ху Баочжу закрепилась репутация «служительницы Богини», и её имя стало пользоваться глубоким почтением среди женщин всех сословий уезда. Несмотря на то что Чжэны были здесь чужаками, они жили в своё удовольствие, не зная ни притеснений, ни косых взглядов.

В вопросах продолжения рода большинство людей предпочитало не испытывать судьбу. Была ли Ху Баочжу настоящей посланницей небес или нет, к Богине относились с благоговейным трепетом. А уж ссориться с родственниками храмовой служительницы и вовсе никто не желал: кто знает, вдруг Ху Баочжу решит отомстить обидчику и передаст волю небес в искажённом виде?

— Раба божия, госпожа Дун, молит Богиню: когда же ко мне придёт дитя?

Ху Баочжу смотрела на сидящую перед ней женщину. Госпожа Дун не смела сесть поудобнее, примостившись на самом краешке стула; она смотрела на хозяйку дома с верой и затаённой надеждой.

Мама Чжэн втайне вздохнула.

Если бы «Предок» с самого начала строго-настрого не запретил принимать поклоны и не велел пресекать любые попытки обожествления, эти паломники, верно, уже воздвигли бы ей алтарь и жгли благовония день и ночь. Разве смогла бы она тогда вести жизнь обычной женщины?

— Госпожа Дун, прошу вас, успокойтесь, — мягко проговорила Ху Баочжу. — Мой сын уже отправился за волей Богини. Совсем скоро он принесёт ответ и растолкует его вам.

К счастью, и она, и Вэнь-эр лишь прикрывались статусом «хранителей храма». Это вызывало у людей уважение и зависть, но не сковывающий страх. К тому, что паломники величали «Предка» Богиней, посылающей детей, он сам относился философски: не подтверждал, но и не отрицал. Он лишь велел отвечать всем одинаково: они — всего лишь слуги, обязанные истолковывать ниспосланные знамения.

Только сердце матери болело за сына.

Ради служения Богине Вэнь-эр обрёк себя на бездетность. Быть может, именно поэтому «Предок», желая вознаградить её и мужа, послал им Сяо У, Сяо Де и маленькую Юань-юань.

— Мама, я вернулся.

Чжэн Чэнвэнь вошёл в комнату и застал мать и госпожу Дун в молчаливом оцепенении. Обе женщины выглядели печальными, погружёнными в свои невесёлые думы.

— Госпожа Дун, воля Богини такова: ваше время — двадцать третий день месяца, с часа Икс до часа Игрек. Кроме того... — Чжэн Чэнвэнь на мгновение замолк. — Богиня передала: в теле вашем скопились сырость и жар. Вам надобно изгнать лишнюю влагу, очистить жар и подпитать кровь, дабы облегчить зачатие.

Он долго и обстоятельно объяснял женщине, что божественное расписание — не панацея, и что нужно прежде всего укреплять собственное здоровье. Попутно Чэнвэнь вкратце пересказал то, что выдала Система о её состоянии, и посоветовал по возвращении найти толкового лекаря для долгого лечения.

Закончив наставления, он выписал предсказание в двух экземплярах. Дождавшись, пока госпожа Дун поставит свою подпись и оттиск пальца, он позволил ей и её слугам удалиться.

Весь приём занял меньше четверти часа.

Что касается платы, в семье Чжэн придерживались правила: нет результата — нет денег. Если женщине удавалось забеременеть, она приходила «исполнить обет», и размер благодарности зависел исключительно от её щедрости.

Чжэн Чэнвэнь пошёл на этот шаг осознанно, чтобы избавиться себя от лишних хлопот и не прятать свои способности. Как только он разблокировал Золотой палец, он объявил верующим, что Богиня проявила к нему милость и велела посвятить жизнь служению ей.

Своим же родителям Чэнвэнь признался честно. Он открыто «вышел из шкафа» перед папой и мамой, объяснив, что от природы его не влекут женщины, а сердце принадлежит мужчинам. Он твёрдо заявил, что не намерен жениться и заводить детей.

Раз уж ему всё равно не светило стать отцом, он решил использовать это как повод официально занять место Хранителя храма. Так ему было проще встречаться с паломниками и проводить расчёты напрямую. В конце концов, его способности очень напоминали гадание по табличкам, а роль «божьего слуги» служила отличным прикрытием.

Ху Баочжу и Чжэн Цзиань тогда долго плакали. Они ни на грош не поверили в то, что их сыну

нравятся мужчины. Они были убеждены: бездетность — это тяжкая цена, которую Вэнь-эр платит за общение с духами предков.

«Эх... Но я ведь и вправду гей! — вздыхал про себя Чэнвэнь. — Я не собираюсь обманывать какую-нибудь девушку, связывая её узами брака».

Он считал, что лучше один раз пережить острую боль правды, чем тянуть бесконечно. Рано или поздно родители поймут и смирятся.

Уездная управа Фэнган

Чжэн Цзиань тем временем раздавал поручения подчинённым.

— Наставник Сюнь, берите своих людей, стражников и ополченцев. Обойдите каждую деревню, расспросите старост и местных жителей. Старина Сяо, распределите остальных на две смены. Пусть патрулируют трактиры, чайные, постоянные дворы и рынки — все места, где много людей. Проверьте каждого.

Сегодня в городе произошло убийство. Родственники погибшего только что подали официальное заявление. Уездный начальник, узнав об этом, велел Чжэн Цзианю немедля раскрыть дело и поймать преступника.

— Семья убитого сообщила, что у преступника чужой акцент, он явно не из наших мест. Сюнь, Лао Сяо, когда будете расспрашивать людей, уточняйте, не видели ли они за последние дни незнакомцев со странным говором или тех, кто вел себя подозрительно и скрытно.

Чжэн Цзиань невольно вздохнул. Став уездным приставом, он часто ловил себя на мысли: если бы он овладел тем искусством, которым владела его пятая невестка — Бао Минмин, — ловить преступников было бы куда проще. Он искренне восхищался её талантом, но ни ему самому, ни Вэнь-эру за десять лет так и не удалось постичь эту науку.

— Слушаюсь, господин пристав! — Наставник Сюнь тут же принял распоряжение.

За последний год он проникся уважением к новому начальнику. Чжэн Цзиань был деятельным, не пытался казаться умнее, чем есть, и никогда не отдавал бессмысленных приказов. И что самое важное — он не смотрел свысока на посыльных, стражников и судебно-медицинских исполнителей, несмотря на их низкое происхождение.

— Ступайте. Как только соберёте показания, оставляйте их у меня на столе.

Чжэн Цзиань махнул рукой, отпуская их, и тяжело выдохнул. Это было первое убийство за время его службы. Оставалось надеяться, что Сюнь и его люди найдут хоть какие-то зацепки.

За ужином вся семья Чжэн из шести человек была в сборе. Впрочем, спокойной эту трапезу назвать было трудно.

— Мам, я не хочу это есть! Брат, на, ешь ты! — заканючил Чжэн Чэнъю, «несносный ребёнок номер один».

— Брат, и моё заberi! Вот, держи, — подхватил Чжэн Чэнде, «несносный ребёнок номер два», перекладывая овощи из своей чашки.

— А! Дай! Дай кушать! — это подала голос маленькая Юань-юань. Она уже отвыкла от груди и всем сердцем любила прикорм.

— А ну брысь! Я вам не помойное ведро, — возмутился Чжэн Чэнвэнь. — Не хотите — не ешьте, но не смейте совать мне свои огрызки!

Чэнвэнь готов был взорваться от негодования. Младшие братья вечно пытались скормить ему то, что им не по вкусу. Ладно бы просто перекладывали, так ведь сначала надкусят, а потом в его чашку пихают! В детстве они прятали для него сладости, а теперь превратили его в пункт переработки отходов.

«Верните мне моих милых маленьких братиков...» — сокрушался он про себя.

Отложив палочки и не обращая внимания на шумных мальчишек, он повернулся к матери, которая кормила сестрёнку.

— Мам, Юань-юань так любит фрукты. Давай завтра натрём ей сладких плодов, пусть лакомится.

Он с нежностью посмотрел на сестру. Вот она — само очарование! Никаких капризов, ест всё, что дают, и при этом сияет от счастья. Не то что эти несносные сорванцы.

— Хорошо. Завтра велю Сяо Мань сходить на кухню и выбрать самые спелые и сладкие плоды, Юань-юань обожает сладкое, — ответила Ху Баочжу, поднося ложечку к ротику дочери.

Юань-юань исполнился год, и материнского молока ей уже не хватало. Баочжу подумывала нанять кормилицу, но Чэнвэнь, сославшись на советы «Предка», убедил её, что девочку пора отнимать от груди. Он объяснил, что малышка уже может есть обычную еду, если она будет

нежирной и протёртой.

К радости матери, Юань-юань оказалась отменным едоком — совсем как Вэнь-эр в детстве. Совершенно не привередничала. Не то что эти два паршивца, Сяо У и Сяо Де, у которых на каждый кусок — ворох жалоб.

— Мам! Я тоже хочу сладких плодов! — тут же взвыл Чжэн Чэнъю.

— И я! И мне! — подхватил второй.

— Ишь чего захотели! — отрезала Ху Баочжу, теряя терпение от их крика. — Руки-ноги есть, сами до кухни дойдёте. Или вам тоже по ложечке в рот класть, как малютке?

Она едва сдерживала раздражение. Слава богу, муж вовремя отправил их в школу, иначе они бы целыми днями носились по дому, жужжа как назойливые мухи и переворачивая всё вверх дном. Другие дети в десять лет уже в доме за главных остаются, а эти двое — сущие чертята.

Баочжу невольно вздохнула. Еще пара лет — и парням пора будет невест присматривать, а с таким поведением их и в приличный дом не введёшь. Страх, да и только.

<http://bllate.org/book/17410/1659667>